

УДК 002.2:316.77:659
<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-1-65-75>

О медиалогическом понимании концепта

«книжная культура»

С. В. Козлов✉, И. В. Лизунова

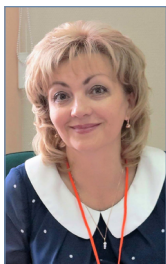
**Козлов
Сергей Васильевич,**

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения Российской
академии наук,

ул. Восход, 15, Новосибирск,
630102, Россия,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
заместитель директора по научной
работе

ORCID: [0000-0002-6784-8992](https://orcid.org/0000-0002-6784-8992)

e-mail: feld71@mail.ru

**Лизунова
Ирина Владимировна,**

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения Российской
академии наук,

ул. Восход, 15, Новосибирск,
630102, Россия,
доктор исторических наук, доцент,
директор

ORCID: [0000-0001-7761-9459](https://orcid.org/0000-0001-7761-9459)

e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Аннотация. Концепт «книжная культура», вошедший в отечественный книговедческий дискурс в 1980-е гг., в настоящее время является одним из центральных как для историко-книжных, так и для теоретико-книговедческих исследований. Однако он до сих пор не получил в российской науке конвенционального толкования. Цель статьи – сформулировать определение книжной культуры с опорой на доминирующую в современном социогуманитарном знании интерпретативную теорию культуры и теоретико-методологические достижения медиалогии. Показан общетеоретический контекст формирования понятия «книжная культура». Обоснована необходимость прагматического поворота в теоретическом книговедении. Раскрыты возможности теоретических моделей исследователя медиа Г. М. Маклюэна и историка печатной книги Р. Дарнтон для интерпретации термина «книжная культура». Предложено определение книжной культуры как пространства коммуникации между различными социальными акторами, опосредованной облеченными в материальную форму текстами, которые транслируют социально значимую информацию.

Ключевые слова: книга, книжная культура, медиалогия, медиасреда, коммуникативный цикл, медийные революции

Для цитирования: Козлов С. В., Лизунова И. В. О медиалогическом понимании концепта «книжная культура» // Библиосфера. 2024. № 1. С. 65–75. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-1-65-75>.

Статья поступила в редакцию 17.12.2023
Получена после доработки 12.02.2024
Принята для публикации 22.02.2024

About the Medialogical Understanding of the Concept of “Book Culture”

Sergey V. Kozlov, Irina V. Lizunova

Kozlov Sergey Vasilyevich,
State Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St., Novosibirsk, 630102,
Russia,
Candidate Historical Sciences,
Associate Professor, Senior
Research Worker, Deputy Director
on Scientific Work

ORCID: [0000-0002-6784-8992](https://orcid.org/0000-0002-6784-8992)
e-mail: feld71@mail.ru

Lizunova Irina Vladimirovna,
State Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St., Novosibirsk, 630102,
Russia,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Director

ORCID: [0000-0001-7761-9459](https://orcid.org/0000-0001-7761-9459)
e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Received 17.12.2023
Revised 12.02.2024
Accepted 22.02.2024

Abstract. The concept of “book culture”, which entered the domestic book-study discourse in the 1980s, is currently one of the central ones for both historical-book and theoretical-book studies. However, it has not yet received a conventional definition in Russian science. The purpose of the article is to formulate a definition of book culture based on the interpretative theory of culture and theoretical and methodological achievements of mediology dominating in modern socio-humanitarian knowledge. The authors show the general theoretical context of the formation of the concept of “book culture”. The necessity of a pragmatic turn in theoretical book studies is substantiated. The possibilities of theoretical models of the media researcher G.M. McLuhan and the historian of the printed book R. Darnton for the interpretation of the concept of “book culture” are revealed. The author offers his own definition of book culture as a space of communication between various social actors, mediated by materialized texts broadcasting socially significant information.

Keywords: book, book culture, mediology, media environment, communications circuit, media revolution

Citation: Kozlov S. V., Lizunova I. V. About the Medialogical Understanding of the Concept of “Book Culture”. *Bibliosphere*. 2024. № 1. P. 65–75. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-1-65-75>.

Введение

Книгу, без сомнения, можно назвать одним из наиболее сложных культурно-исторических явлений. Именно поэтому она давно стала важным объектом приложения исследовательских усилий специалистов, работающих в разных сферах социогуманитарного знания. И хотя первые книговедческие исследования появились в России в начале XX в., обращает на себя внимание то, что в отечественной науке до сих пор нет конвенционального подхода даже к определению самого понятия «книга». В целом это неудивительно, поскольку книга – многоплановое явление в культуре и она может быть рассмотрена в различных исследовательских перспективах: и как носитель человеческих знаний, и как культурный феномен, связанный с различными аспектами социальной коммуникации, и как артефакт, подлежащий типизации и каталогизации в утилитарных целях, и как объект эстетической красоты.

В своей работе мы остановимся на понятии, которое начиная с 1980-х гг. превращается в одно из центральных для отечественного

книговедения и, по сути, заменяет собой термин «книжное дело». Речь идет о концепте «книжная культура». Однако за прошедшие десятилетия сколько-нибудь удовлетворительного определения этот концепт так и не получил, методологического и терминологического консенсуса вокруг него не сложилось.

Цель статьи – сформулировать определение книжной культуры с опорой на доминирующую в современном социогуманитарном знании интерпретативную теорию культуры и теоретико-методологические достижения медиалогии¹, которая может выступить для книговедения метатеорией. Медиалогический подход, нацеленный на преодоление противопоставления техники и культуры, предполагает рассмотрение материальных основ духовного мира и влияние научных и технических инноваций на культуру.

¹ Понятие «медиалогия» было предложено французским философом Режи Дебрэ для обозначения междисциплинарной области исследований, рассматривающей механизмы технического и институционального опосредования (медиации) культуры (Дебрэ, 2010).

История понятия «книжная культура»

Обратимся к концептному анализу понятия «книжная культура». Подробное исследование появления и трансформации определения этого термина в книговедческом дискурсе было проведено В. И. Васильевым (2005, с. 36–43). Он показал, что впервые эта дефиниция появилась в 1960-е гг. XX в. в работах М. И. Слуховского (1964), П. А. Белецкого и А. Г. Шицгала (1964) и под ней подразумевалась «культура книги» (или «культура издания книги»). Однако в 1980-х гг. это понятие меняет свое значение и начинает выражать уже не те или иные аспекты искусства оформления книги, а всю деятельность, связанную с бытованием книги в культуре.

Отметим, что в проведенном анализе неучтенным оказался общегуманитарный контекст, в котором происходило изменение вкладываемых в это понятие смыслов. По нашему мнению, главную роль в рассматриваемой трансформации сыграло то обстоятельство, что именно в этот период в отечественной науке возникает явление, которое можно обозначить как *научная мода на культуру*². Поворот к культуре в социогуманитарном знании, начавшийся в 1970-е гг. как в России, так и за рубежом, в 1980–1990-е гг. охватил многие дисциплины. Для исторических исследований этот процесс был связан с тем, что ученые начали активно использовать методы, заимствованные из антропологии, лингвистики и теории литературы, отказавшись в своих объяснительных

схемах от выявления общих законов исторического процесса и поиска влияния на него глубинных социальных структур. Начиная с этого времени культура в исторических исследованиях превращается в первооснову для всех дальнейших построений. Описывая состояние социогуманитарного поля постсоветской России на рубеже тысячелетий, американский исследователь Л. Энгельштейн вынесла в заглавие своей статьи общую характеристику русской гуманитаристики: «Культура, культура повсюду» (*Culture, culture everywhere*, в русском переводе – «Повсюду “культура”») (Энгельштейн, 2001).

Книговедение в этом плане не стало исключением. В то время как историки, лингвисты, социологи, антропологи активно использовали такие понятия, как «городская культура», «деревенская культура», «крестьянская культура», «культура рабочего класса», книговеды изобрели собственную – книжную – культуру. Если обратиться к диссертациям, защищенным по специальностям 05.25.03 и 05.25.04 в 1980–2010-е гг. и представленным в каталоге РГБ (см. рис.), то становится видно, что в 1980–1990-е гг. в их названиях превалировало понятие «книжное дело», в 2000-е гг. оба термина («книжное дело» и «книжная культура») используются в равном количестве, а в 2010-е гг. первое окончательно вытесняется вторым (последняя диссертация, посвященная книжному делу, была защищена в 2010 г.).

Как правило, авторы использовали эти два понятия как синонимичные (см., например, Пайчадзе, 2003), подразумевая под книжной

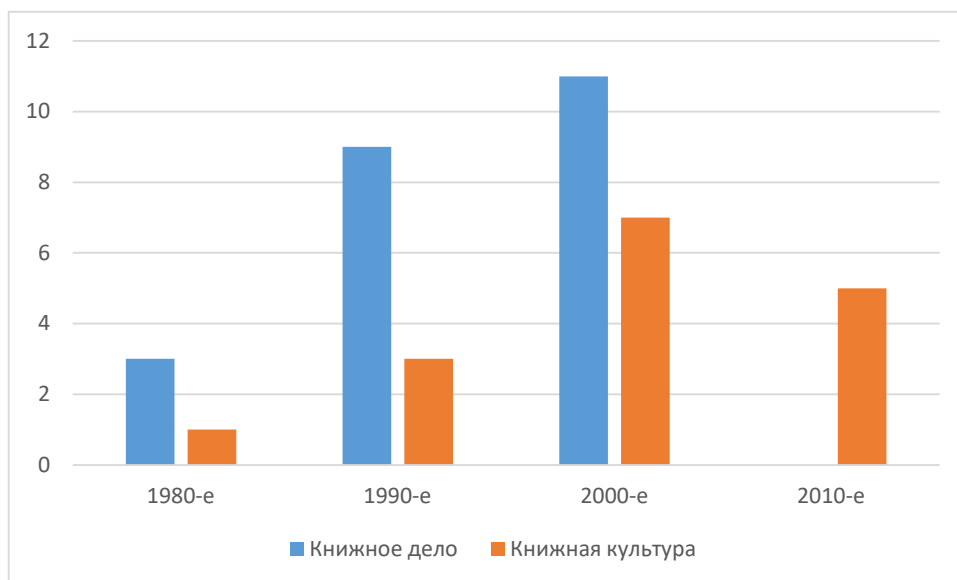

Рис. Число диссертаций, защищенных в 1980–2010 гг. по специальностям 05.25.03 и 05.25.04, с использованием в названиях понятий «книжное дело» и «книжная культура»

Fig. Number of theses defended in 1980–2010 on the specialization 05.25.03 and 05.25.04 where the notions “book business” and “book culture” are used

² О механизмах формирования научной моды подробнее см. (Баранец, Веревкин, 2021).

культурой состояние книжного дела (книжности) в стране или регионе. Рассмотрев разные подходы к пониманию книжной культуры, В. И. Васильев с сожалением отмечал, что «термин “книжная культура” в подавляющем числе публикаций употребляется, во-первых, нередко без всякого смысла, когда книга (или статья) имеет в заголовке термин “книжная культура”, а ее содержание никакого отношения к названной теме не имеет; во-вторых, не содержит приемлемого определения» (Васильев, 2004, с. 3).

За два десятилетия, прошедшие с момента написания этих строк, ситуация не изменилась. Так, анализ сборника материалов XIV Белорусско-российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: Памяти члена-корреспондента РАН В. И. Васильева» (Москва, 24–25 ноября 2021 г.) показывает, что ключевое слово «книжная культура» присутствует в 18 статьях из 85, представленных в сборнике. Их авторы, как правило, относят к книжной культуре все явления, так или иначе связанные с книгой, не давая при этом ее сущностного определения. Участники конференции отмечают, что, став основателем нового научного направления, В. И. Васильев разработал модель книжной культуры, позволяющую представить ее как комплексную сложноструктурируемую систему, описываемую *через ее составляющие*: культуру книги, культуру чтения и культуру книгораспространения (Ермолаева, 2021, с. 151).

Собственное определение книжной культуры предложил в 2021 г. А. Л. Посадсков в предисловии к 6-му тому коллективной монографии «Очерки книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1992–2017 гг.» (2021, с. 4). «Книжная культура представляет собой набор институций и практик человеческого общества, обеспечивающих трансляцию (сохранение и развитие) смыслов и ценностей данного общества во времени и пространстве. Это сфера создания книги (издательская работа, полиграфическое воплощение издательских замыслов) и сфера потребления книги (книгораспространение, главным элементом которого является книжная торговля; функция хранения книг, осуществляемая библиотеками; библиография как инструмент поиска книг и сохранения информации о них; чтение как процесс взаимодействия индивидуального и коллективного человеческого сознания с семантической информацией, заложенной в книгах)» (Очерки..., 2021, с. 4–5). В целом определение носит книгоцентричный характер и оставляет без ответа вопрос, почему деятельность, связанная с созданием и потреблением книги, называется автором именно «культурой».

Отметим, что понятие «книжное дело» не может быть синонимично «книжной

культуре», поскольку семантически оно отсылает к преимущественно технологическим (изготовление, логистика, хранение) аспектам бытования книги – процессам ее производства, распространения и использования в библиотечном деле. Это заставляет исследователей концентрироваться на тиражах, составе библиотечных фондов и прочих технологических деталях. И если читатели изучаются книговедами, то авторы, которые также являются носителями книжной культуры, как правило, не попадают в фокус внимания исследователей.

Интересно, что в западном научном дискурсе понятие «книжная культура» в привычном для отечественного книговедения значении не используется. О. В. Морева, проанализировав вышедший в 2020 г. в Италии трехтомник *Reading Russia. A history of reading in modern Russia* («Читающая Россия. История чтения в современной России»), отмечает, что для авторов сборника «...книжная культура – это либо развитие русской культуры на определенном историческом отрезке, либо синоним субкультуры отдельных читательских групп» (Морева, 2022, с. 139).

Таким образом, можно констатировать, что если в различных направлениях социогуманитарных исследований, как в России, так и за рубежом, за последние полвека произошёл поворот к культуре, то отечественное книговедение оказалось на обочине этого процесса. Анализируя актуальное состояние научной дисциплины, можно согласиться с Д. А. Эльяшевичем, который назвал его бегством книговедения от культуры (Эльяшевич, 2018, с. 60). Ситуация усугубляется методологическим и терминологическим хаосом, царящим в книговедении. Характеризуя его, В. И. Васильев писал: «...при таком обилии противоречивых и нередко поверхностных толкований основополагающих понятий, остро ощущается необходимость их научной оценки и формирования логически обоснованной системы, позволяющей строить исследования на основе выявленных соотношений процессов и понятий, определяющих как состояние книжной культуры, так и культуры общества в целом, в рамках общеисторического процесса» (Васильев, 2005, с. 73).

Принимая во внимание эти обстоятельства, подчеркнем, что необходима рефлексия над методологическими основаниями науки о книге, ревизия терминологического аппарата книговедения и четкое означивание используемых в книговедческом дискурсе понятий, предполагающее их операционализацию, то есть сведение к эмпирически фиксируемому референтам. Жизненно необходимым является поворот книговедения к культуре.

Поворот к культуре в гуманитаристике

При переосмыслении подходов к изучению места книги в развитии человеческого общества нужно оттолкнуться от толкования культуры, которая является одной из основных категорий современной (социогуманитарной) мысли. Принципиальным при этом представляется понимание того, что книжная культура – это тоже категория, а не позитивистски понимаемая сущность. Однако процесс осмысления этой категории и соотнесения ее с понятием культуры далек от завершения. В. И. Васильев поставил закономерный вопрос о том, каким образом сопоставляются активно использовавшиеся в книговедческих исследованиях термины «книжное дело», «книжная культура», «культура книги», «искусство книги» с культурой и искусством в целом (Васильев, 2005, с. 5). Сам исследователь, отметив очевидную связь книжной культуры с отечественной и мировой культурой, ограничился формально-логическими доказательствами: «Хотя в приведенных определениях [культуры] термин “книжная культура” напрямую не используется, но это и так очевидно: “производство” литературы определяется как часть духовной культуры; знание, язык, искусство, художественная литература – это, в конечном итоге, и создает систему книжной культуры» (Васильев, 2005, с. 9). Вряд ли подобный ответ можно признать удовлетворительным.

Термин «культура» является одним из центральных для социогуманитарного знания. Сложность ситуации во многом связана с тем, что, как отмечает Н. Е. Копосов, «из базовых понятий наук о человеке понятие культуры, пожалуй, в наименьшей степени проблематизировано современной мыслью» (Копосов, 2005, с. 65). Недаром Эдвард Томпсон называл понятие «культура» «термином для ленивых», сваливающим все в одну кучу (цит. по: Бёрк, 2015, с. 43).

Понятие культуры в его современном значении возникло и получило распространение во второй половине XVIII – начале XIX в., когда оно (наряду с понятиями истории и цивилизации) превратилось в базовый исторический концепт. Несомненно одно: с момента появления современных значений понятия «культура», связанных с абстрактными обозначениями и указаниями на формы интеллектуальной деятельности или общий процесс духовного и эстетического развития, оно было неразрывно связано с человеком и продуктами его деятельности. Производитель и носитель культуры – человек, она имеет инструментальный характер и служит потребностям приспособления к природе. Источником культуры является осмысленное поведение человека. Мир, в котором живет человек, – это «культурные реальности,

родившиеся из осмысленного социального поведения и имеющие смысл для каждого человеческого существа» (Ионин, 2004, с. 35).

Хотя в понимании того, что такое «культура» в изучающих ее науках, существуют весьма значительные расхождения (Ионин, 2004, с. 14, 16), можно выделить два магистральных направления в современном социогуманитарном знании, понимающих культуру как дискурс и как практики. Первое направление занимается преимущественно интерпретацией символических форм и объединяет специалистов, изучающих литературу, – филологов, лингвистов и литературоведов. Акцент на практиках делают социологи, антропологи, социальные историки. Именно эти дисциплины оказались охвачены произошедшим в 1980-е гг. в социогуманитарном знании «прагматическим поворотом», обусловившим трансформацию теоретико-методологических оснований социогуманитарного знания и вернувшим в фокус исследований человека как действующего субъекта социально-исторического процесса (Волков, Хархордин, 2008).

Один из родоначальников этого поворота антрополог Клиффорд Гирц создал интерпретативную теорию культуры, в рамках которой она представляет собой «исторически передаваемую систему значений, воплощенных в символах; систему унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют, развивают свое знание о жизни и отношение к ней» (Гирц, 2004, с. 106). Практическое измерение культуры получило дальнейшее развитие, в частности, в работах социологов Мишеля де Серто и Пьера Бурдьё, которые понимали культуру «в антропологическом смысле как совокупность усвоенных и передаваемых поведенческих моделей, определяющих структуру сообщества» (Энгельштейн, 2001). Культура в их работах предстает силой, структурирующей жизнь и упорядочивающей распределение социальных ресурсов.

Если вновь обратиться к работам отечественных книговедов, посвященным книжной культуре, то окажется, что в центре их внимания находится не человек как продукт и носитель культуры, а книга, которая рассматривается как самостоятельный субъект и наделяется характеристиками, позволяющими воспринимать его как действующую силу. Ю. В. Тимофеева, подробно проанализировав использование дефиниции «книжная культура» в книговедческой литературе, отмечает, что «в своих трудах исследователи признают книжную культуру, как и культуру в целом, творением человека и человеческого общества, однако в определениях и характеристиках, даваемых этому феномену, как правило, присутствуют отдельные элементы книжной культуры (книга, культура

книги, книгоиздание, книгораспространение, чтение, полиграфическое искусство, издательская культура, читательская культура и др.), деятельность как процесс создания, распространения, использования книги, но редко – человек как субъект книжной культуры» (Тимофеева, 2023, с. 117). Отношение к книге как к субъекту было заложено еще родоначальниками отечественного книговедения. Так, М. Н. Куфаев, определяя книгу как «источник культурной жизни в настоящем и через настоящее в прошедшем и будущем», задавался вопросом: «Разве нельзя мысленным взором не только видеть, но и ощущать всеединство книги как “субъекта” культуры и жизни и как живого фактора ее?» (Куфаев, 2004, с. 62). Сходную позицию занимал и один из классиков книговедения И. Е. Баренбаум, утверждавший, что книга «не только фиксировала эволюцию человеческого разума и общества, но всегда активно вторгалась в исторический процесс», являясь его орудием и могущественным катализатором (Баренбаум, 1988, с. 2–4). При этом «они так или иначе признавали коммуникативную природу книги и книжного дела как основу их существования, как онтологическую характеристику» (Эльяшевич, 2018, с. 56). Субъектностью наделяет книгу и В. И. Васильев, отмечая, что «книга как явление и памятник культуры – это и “потребитель” достижений науки, культуры и образования» (Васильев, 2005, с. 16).

Складывается парадоксальная ситуация. Если в центре внимания наук, изучающих культуру, находятся люди как носители смыслов, то книжная культура в ее отечественном понимании оказывается центрированной преимущественно на артефакты, что является следствием «увлечения» культурой как понятием без представления о том, что это на самом деле означает.

Концепции Г. М. Маклюэна и Р. Дарнтонна как основания для прагматического поворота в книговедении

Книговедению необходим собственный прагматический поворот. Тем более что в рамках коммуникативистики, медиалогии, культурной истории и книжных исследований (*book studies*) уже существуют теоретические модели, позволяющие вернуть человека в центр научных репрезентаций социальной реальности и реинтерпретировать роль книги в социальной коммуникации. Речь идет о теории медиа Герберта Маршала Маклюэна и модели коммуникативного цикла Роберта Дарнтонна.

Наследие теоретика коммуникации Г. М. Маклюэна подробно рассмотрено в монографии В. П. Претер (2023), а возможные точки пересечения ее и современного книговедческого

дискурса были намечены В. А. Мутьевым и Д. А. Эльяшевичем (2021). Адресуя читателей к этим текстам, мы лишь вкратце остановимся на тех моментах, которые представляются нам важными для разработки дефиниции книжной культуры.

Теория медиа создавалась канадским коммуникативистом Г. М. Маклюэном, ставшим одним из основоположников Торонтской школы медиаисследований, в 1960–1970-е гг. XX в. Маклюэн был первым исследователем, обратившим внимание на ту роль, которую играют медиа в жизни человеческого общества. Стоит подчеркнуть, что его понимание медиа характеризовалось крайним универсализмом и отличалось от общепринятого сегодня. Ученый относил к медиа все, что создано человеком и может быть использовано им в процессе коммуникации. При этом он рассматривал медиа как расширение (или продолжение) человека, которое обеспечивало развитие органов чувств. Как отмечает В. П. Претер, «по большому счету Маклюэн предпринял попытку рассмотреть всю культуру человечества с помощью универсального мерилла – медиа» (Претер, 2023, с. 25).

Остановимся на тех аспектах концепции Маклюэна, которые важны для книговедческих исследований. Первым ключевым пунктом является получившая широкое распространение формула *The medium is the message*. В нее исследователь, видевший в культурных артефактах *медиумы*, способствующие коммуникации и расширяющие человеческие горизонты, заложил важнейшую идею: форма сообщения (медиум) обладает предрасположенностью к наполнению определенным содержанием / задает способ организации его содержания. Это означает, что при изменениях в материальной форме будет трансформироваться и характер коммуникации, осуществляемой при помощи преобразованного медиума.

Второй важной идеей, выдвинутой Маклюэном, стало понимание медиасреды. В логике канадского ученого весь окружающий мир современного общества состоит из медиа. Сам исследователь использовал понятие *environment*. Последователи Маклюэна, дистанцируясь от присущего ему крайнего универсализма, понимают под медиа средства массовой коммуникации и применяют термины *media environment*, *information environment*, *communication environment* (Postman, 2000). Ключевой характеристикой медиасреды является ее взаимосвязанность: все ее элементы состоят в различных отношениях друг с другом, и изменение одного элемента оказывает влияние на остальные. Маклюэн подчеркивал, что сфера медиа постоянно находится в процессе трансформации.

По сути, Маклюэн предпринял попытку заменить концептом медиасреда базовый для социогуманитарного знания концепт культуры и не преуспел в этом. Можно согласиться с В. П. Претер в том, что «попытки Маклюэна, а также его коллег и последователей выстроить масштабные картины развития истории человечества через оптику изменений медиа не увенчались успехом, однако дали набор отдельных инструментов» (Претер, 2023, с. 50). Одна из главных причин этого кроется в том, что медиацентричный подход Маклюэна делал акцент на технологиях, поскольку медиум технологичен по определению. Свой вклад в редукционистское понимание его концепции внесли и особенности стиля ученого. Поэтому идеи Маклюэна часто рассматриваются в рамках жесткого технологического детерминизма, хотя сам исследователь указывал на то, что «наличие конкретной коммуникационной технологии является стимулирующим или способствующим фактором, приводящим к тем или иным возможностям, которые могут или не могут быть рассмотрены в конкретных обществах или периодах» (Chandler, 2020), что позволяет отнести его воззрения к мягкому технологическому детерминизму.

Важнейшие выводы, к которым пришел Маклюэн, состоят в том, что медиасреда определяет способы конструирования социальной реальности (и производства знаний о реальности). В частности, восприятие общества «в терминах единообразия и социальной гомогенизации является от начала и до конца давлением механической и промышленной технологии» (Маклюэн, 2003, с. 363).

Дальнейшее развитие концепция Маклюэна получила в трудах Нила Постмана. Он соединил идеи своего учителя и старшего коллеги о природе медиа с положениями семиотики о знаках, нарративах и дискурсах. Ученый вкладывал в понятие медиасреды более узкий смысл, нежели Маклюэн, утверждая, что она «состоит из языка, чисел, образов, голограмм и всех других символов, техник и механизмов, которые делают нас тем, кто мы есть» (Postman, 2000, p. 11). Постман концентрировал свое внимание на том, что медиа передают смыслы, которыми пользуются люди (Претер, 2023, с. 217). Основной фокус внимания исследователя и его последователей был сосредоточен на изучении медиа как среды во всей ее сложности и на конструировании дискурса при помощи средств коммуникации. Медиа, по мнению Постмана, – это те «технологии, через которые развивается культура» (Postman, 2000, p. 10). В отличие от своего учителя, ученый признавал более важным не материальный, а символический аспект медиасреды, сместив акценты в исследованиях с медиатехнологических на историко-культурные аспекты коммуникации.

Таким образом, Маклюэн и его последователи продемонстрировали, что именно медиа производят представления о реальности и формируют культурную среду общества. Значимость этого открытия для книговедческих исследований заключается в том, что оно позволяет вообразить книгу как символического посредника, способного экстернализовать информацию. Кроме того, исследования представителей Торонтской школы и медиаэкологов показали, что разная медиасреда производит разные типы репрезентаций реальности, а это значит, что каждой историко-культурной эпохе соответствует своя медиасреда и значения, разделяемые членами общества, задаются доминирующим медиа.

Значимый вклад в осмысление той роли, которую играла книга в социальной коммуникации, внес широко известный своими исследованиями европейской печатной культуры Нового времени американский историк Роберт Дарнтон, который в 1982 г. предложил модель коммуникативного цикла (*communications circuit*). Она описывает полный цикл движения печатных текстов в культуре и предполагает выделение агентов книжной коммуникации, устойчивые взаимодействия между которыми формируют и воспроизводят мир книжной культуры. Последняя в исследовательской оптике Дарнтон предстает как коммуникативная целостность, в которой книга выполняет функцию медиума, обеспечивающего социальные взаимодействия между различными агентами, вовлеченными в процесс книжной коммуникации. Исследователь выделил шесть ключевых групп таких агентов в зависимости от тех ролей, которые они играют в производстве и продвижении печатной книги: авторы, издатели, типографы, перевозчики, книготорговцы и читатели. В ходе их повторяющихся взаимодействий формируются устойчивые сети коммуникаций, которые всегда носят медиаопосредованный характер (Darnton, 1982).

Предложенную Р. Дарнтоном модель необходимо рассматривать в контексте трансформации методологических принципов социогуманитарного познания, заданных «прагматическим поворотом». Подробно концепция Дарнтон была описана Д. В. Березняковым и С. В. Козловым (2023). Хотя сам ученый отмечал, что его модель «имеет в виду, прежде всего, издательское дело и книжную торговлю в период технологической стабильности, который длился с 1500 по 1800 гг.» (Darnton, 2007, p. 504), но позднее другие исследователи показали, что эта концепция может быть использована для анализа механизмов функционирования издательской индустрии до конца XX в. (Murray, Squires, 2013, p. 4). Более того, она может быть адаптирована к тем изменениям, которые произошли в процессах

книжной коммуникации при переходе к экранной культуре (см., например, Charest, 2020).

К определению книжной культуры в медиалогической перспективе

Процессы функционирования медиа как фактора социальной коммуникации неоднократно привлекали внимание исследователей. В отечественной науке медиалогический подход к феномену книжной коммуникации получил отражение в работах К. Н. Костюка (2015), И. В. Лизуновой (Лизунова, 2018, 2023; Лизунова, Павленко, 2020), В. А. Марковой (2019), В. А. Мутьева и Д. А. Эльяшевича (2021), Д. В. Березнякова и С. В. Козлова (2022). Однако не все они используют термин «книжная культура». Среди употребляющих это понятие авторов, чей подход в силу антропоцентричности методологически близок к медиалогическому, можно назвать Г. М. Казакову (2012), Н. В. Лопатину (2018) и Ю. В. Тимофееву (2023). В частности, Ю. В. Тимофеева дает следующее определение книжной культуре: «разветвленная система взаимодействующих субъектов книгоиздания, книгораспространения и чтения, для которых главным объектом является книга» (Тимофеева, 2023, с. 116).

Позволим себе дать собственное определение книжной культуры, отталкиваясь от антропологического понимания культуры. Если рассматривать культуру как совокупность передаваемых в процессе коммуникации социально разделяемых смыслов, которые делают возможным существование человеческих сообществ, то книжная культура представляет собой коммуникативное пространство, в котором рукописный, печатный или электронный текст выступает как медиум, используемый в структурированных социальных коммуникациях. Сама же книжная коммуникация – это институализированный процесс взаимодействия различных акторов, опосредованный текстами, принявшими ту или иную материальную форму.

Понимание книги (в широком смысле) как медиума помогает снять присутствующее в книговедческой литературе противопоставление книги, существующей в форме кодекса, и периодических изданий. Поскольку циркулирующие в обществе смыслы, транслирующие медиаопосредованный человеческий опыт, передаются посредством различных материальных форм, то искусственное противопоставление этих форм друг другу теряет смысл. Представляется, что нет принципиальной разницы в том, дошел ли до читателя текст при помощи книги, газеты или листовки (достаточно вспомнить, что абсолютное большинство произведений классической русской литературы XIX в., знакомых современному читателю по книгам,

впервые увидело свет на страницах периодических изданий) (Рейтблат, 2009). Особенно это важно, если вспомнить те обстоятельства, на которые указывал Р. Дарнтон: книжная культура не является закрытой системой, она погружена во внешний контекст и испытывает существенное воздействие таких факторов, как интеллектуальное влияние и публичность, социально-экономическая конъюнктура, политические и юридические санкции.

Отметим, что предлагаемое определение книжной культуры акцентирует внимание на роли книги как медиума и особенностях той медиасреды, в которой она функционирует, что делает это понятие родовым для характеристики книжной коммуникации в разные исторические эпохи. Речь прежде всего идет о радикальных различиях между книжной культурой допечатной эпохи и культурой «галактики Гуттенберга». Мы далеки от того, чтобы согласиться с предложением Г. М. Маклюэна периодизировать человеческую историю в зависимости от доминирующего средства коммуникации и рассматривать ее как последовательность медиакultur (устной, письменной, печатной и электронной). Однако введенные им концепты «рукописной культуры» (*manuscript culture*) и «печатной культуры» (*print culture*) обладают высоким эвристическим потенциалом, указывая на то обстоятельство, что возникновение новых медиа приводит к изменениям в практиках коммуникации и трансформации медиасреды (Ним, 2017, с. 417).

Предложенное нами понимание книги как медиума и книжной культуры как пространства коммуникации, опосредованной облеченными в материальную форму текстами, делает необходимой дальнейшую разработку понятия «медийные революции», первые попытки которой уже предпринимались нами в соавторстве с С. В. Павленко (Лизунова, Павленко, 2020) и Д. В. Березняковым (Березняков, Козлов, 2022). Медийные революции следует рассматривать как процесс смены доминирующих медиа, влекущий кардинальное преобразование в циклах движения текстов в обществе. В следующих работах мы более подробно рассмотрим то, каким образом технологические изменения приводят к радикальным переменам в процессах книжной коммуникации и трансформации медиасреды.

Заключение

Утвердившееся в последнее десятилетие XX в. в российском книговедческом дискурсе понятие «книжная культура» до сих пор не получило у отечественных исследователей конвенционального определения. По нашему мнению, именно оно может стать концептом, объединяющим

те традиционные компоненты социального бытования книги, которые, как правило, рассматриваются независимо друг от друга: книгоиздание, книгораспространение и книгопотребление. Важными методологическими ресурсами в этой перспективе обладает медиалогия как междисциплинарная область исследований, направленных на выявление механизмов технического и институционального опосредования культуры.

Медиалогический подход позволяет рассматривать книгу как медиум, обеспечивающий циркуляцию экстернализованных смыслов, запечатленных в текстах и облеченных в ту или иную материальную форму. Книжная культура в медиалогическом понимании предстает как социальное пространство взаимодействия различных акторов, вовлеченных в книжную коммуникацию и обменивающихся в ходе нее социально значимой информацией. Трансформация материальной формы книги приводит к изменениям в характере книжной коммуникации, становясь важным фактором социальных изменений.

Список источников / References

- Баранец Н. Г., Верёвкин А. Б. Математические проблемы и «научная мода» // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : тр. III Всерос. науч. конф. Москва, 2021. С. 16–19 [Baranets NG and Verevkin AB (2021) Mathematical problems and “scientific fashion”. *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume: tr. III Vseros. nauch. konf.* Moscow, pp. 16–19. (In Russ.)].
- Баренбаум И. Е. Книга и история // Книга и культура : Шестая Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. Секция общих проблем книговедения : тез. докл. Москва, 1988. С. 2–4 [Barenbaum IE (1988) Book and history. *Kniga i kul'tura: Shestaya Vsesoyuz. nauch. konf. po problemam knigovedeniya. Sektsiya obshchikh problem knigovedeniya: tez. dokl.* Moscow, pp. 2–4. (In Russ.)].
- Белецкий П. А., Шитсгал А. Г. Культура русской книги начала XX в. // 400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года. Москва, 1964. С. 530–543 [Beletskii PA and Shitsgal AG (1964) The culture of the Russian book of the early 20th century. *400 let russkogo knigopchataniia. Russkoe knigopchatanie do 1917 goda.* Moscow, pp. 530–543. (In Russ.)].
- Березняков Д. В., Козлов С. В. Переоткрывая классику: модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтонна // Научные и технические библиотеки. 2023. № 11. С. 121–140 [Bereznyakov DV and Kozlov SV (2023) Rediscovering classic: Robert Darnton's communications circuit. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 11: 121–140. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>.

Заявленный вклад авторов

Козлов С.В.: сбор и систематизация данных; написание текста рукописи; интерпретация результатов; формулировка выводов оформление метаанных и статьи в соответствии с требованиями журнала «Библиосфера».

Лизунова И.В.: обоснование концепции исследования, планирование исследования и формулировка задач; анализ и обобщение данных литературы; редактирование и переработка текста рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9

- Березняков Д. В., Козлов С. В. Книжная культура в фокусе исторической социологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 132–137 [Bereznyakov DV and Kozlov SV (2022) Book culture in a focus of historical sociology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 79: 132–137. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/79/16>.
- Бёрк П. Что такое культуральная история. Москва : Изд. дом Высш. shk. ekonomiki, 2015. 240 с. [Burke P (2015) What is cultural history. Moscow: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki. (In Russ.)].
- Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методологические аспекты. Москва : Наука, 2004. 112 с. [Vasiliev VI (2004) History of book culture: theoretical and methodological aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Васильев В. И. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность. Москва : Наука, 2005. 272 с. [Vasiliev VI (2005) The book and book culture at critical stages of the history of Russia. Theory. History. Modernity. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с. [Volkov VV and Kharkhordin OV (2008) Theory of practices. Saint-Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].
- Гирц К. Интерпретация культур. Москва : РОССПЭН, 2004. 557 с. [Geertz C (2004) Interpretation of cultures. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Дебрэ Р. Введение в медиологию. Москва : Практис, 2010. 368 с. [Debray R (2010) Introduction into mediology. Moscow: Praxis. (In Russ.)].

- Ермолаева М. А. В. И. Васильев – основатель нового научного направления «история книжной культуры // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XIV Белорус.-Рос. науч. семинара-конф. (Москва, 24–25 нояб. 2021 г.). Минск ; Москва, 2021. С. 148–154 [Ermolaeva MA (2021) V. I. Vasiliev – a founder of the new scientific direction “history of book culture”. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy XIV Belorus.-Ros. nauch. seminar-konf. (Moskva, 24–25 noyab. 2021 g.)*. Minsk, Moscow, pp. 148–154. (In Russ.)].
- Ионин Л. Г. Социологи культуры : учеб. пособие для вузов. 4-е изд. Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с. [Ionin LG (2004) *Sociology of culture: textbook for universities*. 4th ed. Moscow: Izd. dom GU VShE. (In Russ.)].
- Казакова Г. М. О содержании и качественных границах понятия книжной культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2. С. 71–73 [Kazakova GM (2012) On the content and qualitative boundaries of the concept of book culture. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* 2: 71–73. (In Russ.)].
- Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. Москва : Новое лит. обозрение, 2005. 248 с. [Koposov NE (2005) *Stop killing cats! Criticism of the social sciences*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. Москва : Директ-Медиа, 2015. 432 с. [Kostyuk KN (2015) *Book in a new media environment*. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)].
- Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. Москва : Наука, 2004. 188 с. [Kufaev MN (2004) *Problems of the philosophy of the book. The book in the process of communication*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Лизунова И. В. Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2018. Т. 217. С. 112–115 [Lizunova IV (2018) *Book as media: new roles, appointments and opportunities*. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Saint Petersburg, vol. 217, pp. 112–115. (In Russ.)].
- Лизунова И. В. Книжная культура в медиалогическом прочтении // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XVI Белорус.-Рос. науч. конф. (Москва, 22–23 нояб. 2023 г.). Москва, 2023. С. 309–312 [Lizunova IV (2023) *Book culture in mediological reading*. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy XVI Belorus.-Ros. nauch. konf. (Moskva, 22–23 noyab. 2023 g.)*. Moscow, pp. 309–312. (In Russ.)].
- Лизунова И. В., Павленко С. В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23 [Lizunova IV and Pavlenko SV (2020) *The book transformations in the context of media revolutions*. *Bibliosfera* 1: 12–23. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-1-12-23>.
- Лопатина Н. В. Книжная культура в структуре библиотечно-информационного образования: «золотая середина» или «точка бифуркации»? // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы IX Междунар. науч. семинара (Москва, 24–25 окт. 2018 г.). Минск ; Москва, 2018. Ч. 1. С. 309–314 [Lopatina NV (2018) *Book culture in the structure of library and information education: “golden mean” or “bifurcation point”?* *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy IX Mezhdunar. nauch. seminar (Moskva, 24–25 okt. 2018 g.)*. Minsk, Moscow, pt. 1, pp. 309–314. (In Russ.)].
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва : Канон-пресс-Ц [и др.], 2003. 462 с. [McLuhan M (2003) *Understanding media: the extensions of man*. Moscow: Kanon-press-Ts [et al.]. (In Russ.)].
- Маркова В. А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург : Профессия, 2019. 343 с. [Markova VA (2019) *The book in the social and communicative space: past, present, future*. Saint-Petersburg: Professia. (In Russ.)].
- Морева О. В. История чтения в России. Новое знание // Библиосфера. 2022. № 3. С. 136–139 [Moreva OV (2022) *History of reading in Russia. New knowledge*. *Bibliosfera* 3: 136–139. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-136-139>.
- Мутьев В. А., Эльяшевич Д. А. Теория медиа М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения // Библиосфера. 2021. № 4. С. 3–13 [Mutyev VA and Elyashevich DA (2021) *M. McLuhan's media theory and contemporary book science discourse: points of confluence*. *Bibliosfera* 4: 3–13. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-4-3-13>.
- Ним Е. Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 409–427 [Nim EG (2017) *The (non)social construction of reality in the age of mediatization*. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 16 (3): 409–427. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-409-427>.
- Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : [коллективная моногр.]. Т. 6, ч. 1. / отв. ред. А. Л. Посадсков. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2021. 420 с. [Posadskov AL (ed.) (2021) *Essays on the history of the book culture in Siberia and the Far East: [collective monogr.]*. Vol. 6, pt. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russ.)].
- Пайчадзе С. А. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. // Книжная культура России: история и современность : межведомств. сб. науч. тр. Москва, 2003. Вып. 1. С. 64–82 [Paichadze SA (2003) *Book culture of Siberia and the Far East of the late 19th – early 20th centuries*. *Knizhnaya kul'tura Rossii: istoriya i sovremennost': mezhdv. sb. nauch. tr*. Moscow, iss. 1, pp. 64–82. (In Russ.)].

- Претер В. П. В центре циклона: инструменты Маршала Маклюэна для анализа медиасред. Москва : Изд-во Высш. shk. ekonomiki, 2023. 332 с. [Preter VP (2023) At the center of the cyclone: Marshall McLuhan's tools for analyzing media environments. Moscow: Izd-vo Vyssh. shk. ekonomiki. (In Russ.)].
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с. [Reitblat AI (2009) From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. Москва : Просвещение, 1964. 244 с. [Slukhovskiy MI (1964) From the history of Russian book culture. The old Russian book in international cultural relations. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)].
- Тимофеева Ю. В. Субъекты и субъект-субъектные отношения в книжной культуре: историко-теоретические аспекты // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 2. С. 116–127 [Timofeeva YuV (2023) Subjects and subject-subject relations in book culture: historical and theoretical aspects. *Observatoriya kul'tury* 20 (2): 116–127. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2023-20-2-116-127>.
- Эльяшевич Д. А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2018. Т. 217. С. 55–81 [Elyashevich DA (2018) Bibliology: life after death. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Saint Petersburg, vol. 217, pp. 55–81. (In Russ.)].
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53 [Elyashevich DA and Mut'ev VA (2021) New book science: a look into the future. *Bibliosfera* 1: 43–53. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-43-53>.
- Энгельштейн Л. Повсюду «культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX веков // Новая русская книга. 2001. № 3/4. С. 107–121 [Engelstein L (2001) “Culture” is everywhere: on the latest interpretations of Russian history of the 19th–20th centuries. *Novaya russkaya kniga* 3/4: 107–121. (In Russ.)].
- Chandler D (2020) Technological or media determinism. *Visual-memory.co.uk: website*. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/tdet01.html#Top> (accessed 24.07.2023).
- Charest M (2020) Revisions to Darnton's “communications circuit”: exploring the stakes that labor, the environment, and other species hold in the production and distribution of books. *ArcGIS StoryMaps: website*. URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/72806263753e4994b1df015ba94d58cd> (accessed 24.07.2023).
- Darnton R (2007) “What is the History of books?” revisited. *Modern Intellectual History* 4 (3): 495–508. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1479244307001370>.
- Darnton R (1982) What is the History of books? *Daedalus* 111 (3): 65–83.
- Murray PR and Squires C (2013) The digital publishing communications circuit. *Book 2.0* 3 (1): 3–23. DOI: https://doi.org/10.1386/btwo.3.1.3_1.
- Postman N (2000) The humanism of media ecology. *Proceedings of the Media Ecology Association* 1: 10–16.